PE Population and Economics

Население и экономика 4(2): 153–157
DOI 10.3897/popecon.4.e54379

НАУЧНЫЕ ЗАПИСКИ

Мировой кризис: парадоксы анализа и сценарные варианты развития

Сергей А. Афонцев[1]

1 *МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, 119991, Россия; ИМЭМО РАН, Москва, 117997, Россия*

Получено 27 April 2020 ♦ **Принято в печать** 11 May 2020 ♦ **Опубликовано** 1 June 2020

Цитирование: Afontsev SA (2020) World crisis: paradoxes of analysis and scenario options for development. Population and Economics 4(2): 153–157. https://doi.org/10.3897/popecon.4.e54379

Аннотация

В период глобальных кризисов у экономистов часто формируется убеждение в том, что текущие шоковые потрясения носят уникальный характер и после них «мировая экономика уже никогда не будет прежней». На первый взгляд, нынешний кризис дает все основания для аналогичных обобщений. Однако анализ показывает, что как механизмы развертывания кризиса, так и факторы его обострения демонстрируют высокую степень преемственности с предшествующими эпизодами кризисной динамики. Это означает, выход из него также будет представлять собой не уникальный вызов, а задачу, тесно связанную с предшествующим опытом мировой антикризисной политики. Расчеты показывают, что глубина экономического спада в Российской Федерации может примерно в полтора раза превысить ожидаемые темпы падения мировой экономики, а реальные доходы населения в 2020 г. при негативном сценарии могут сократиться более чем на 10%. Это означает, что поддержка доходов населения должна стать одним из первоочередных приоритетов антикризисной политики в России, отказ от которого чреват не только углублением кризиса, но и негативными последствиями в социально-политической сфере.

Ключевые слова

мировая экономика, глобальный кризис, коронавирус, ВВП, протекционизм, цены на нефть, Россия, доходы населения

Коды JEL: E32, F01, F13, F44

Человеческая психология устроена очень странным образом, и психология представителей экономической профессии здесь не является исключением. Каждый раз, когда мировая экономика переживает сколь-либо длительный период устойчивого роста, большинство аналитиков четко разделяются на группы «оптимистов» и «пессимистов». Первые утверждают, что «на этот раз все будет по-другому», так что период высокой конъюнктуры сможет продолжаться неограниченно длительный период времени, хотя весь предыдущий опыт свидетельствует об

Copyright С.А. Афонцев. Статья находится в открытом доступе и в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution (CC-BY 4.0) может без ограничений использоваться, распространяться и воспроизводиться на любых носителях при условии указания авторов и источника.

обратном. Вторые ежедневно предсказывают кризис, и когда он наконец случается, пытаются убедить весь мир в том, что именно они с самого начала всех предупреждали, но невежественные слушатели не внимали их пророчествам. В чем и оптимисты, и пессимисты рано или поздно неизменно сходятся — так это в том, что «после кризиса мировая экономика уже не будет прежней», и вот тогда уже точно «все будет по-иному».

На первый взгляд, нынешний кризис дает все основания для аналогичных обобщений. С одной стороны, ему предшествовал очень длительный период роста мировой экономики, ознаменовавший ее восстановление после кризисных потрясений 2008–2009 гг. Если отсчитывать начало посткризисного оживления американской экономики с июня 2009 г. [NBER, 2012], то в июле 2019 г. пал прежний рекорд ее непрерывного роста (120 месяцев с марта 1991 г. по март 2001 г.), а к январю 2020 г. продолжительность нового рекорда составила 126 месяцев. И хотя динамика ВВП США при этом была существенно более вялой, чем в течение предыдущих (более коротких) периодов роста [The Economist, 2019; Marotta, 2020], а в различных регионах мира периодически возникали кризисные импульсы (важнейшими из которых были кризис в еврозоне 2010–2013 гг. и фондовый кризис в КНР 2015 г.), продолжительный рост мировой экономики был налицо, причем определяющие его факторы отличались выраженной новизной [Афонцев, 2014; Афонцев, 2019а]. И хотя опасения относительно устойчивости этой модели периодически высказывались, еще в первой половине прошлого года так называемые «опережающие индикаторы» кризиса (т.е. переменные, по динамике которых можно судить о его приближении) не давали причин для опасений.

С другой стороны, пандемия коронавируса, ставшая «спусковой пружиной» нынешнего кризиса, и ее последствия для мировой экономики (до сих пор не до конца понятные ввиду неопределенности сроков окончания пандемии и введенных из-за нее ограничительных мер) как нельзя лучше соответствуют представлению о том, что коррекция на рынках, перерастающая в глобальный кризис, обычно вызывается экзогенным фактором, предсказать который либо трудно, либо невозможно. Одно дело — констатировать перегретость рынков и ожидать их снижения, другое — указать на конкретный триггер кризиса. Еще год назад эксперты могли иронизировать над пикировкой между двумя бывшими председателями ФРС США — Дж. Йеллен («Я не думаю, что периоды экономической экспансии умирают от старости») и Б. Бернанке («Хочу заметить, что их убивают») [Coy, 2019]. Теперь мы можем убедиться в правоте обоих, правда, при обстоятельствах, которых всем хотелось бы избежать.

Между тем дело обстоит отнюдь не так просто. Даже если коронавирус и стал непосредственной движущей силой кризиса, нельзя сказать, что он обрушил длительно растущую мировую экономику без объективных к тому предпосылок. Во-первых, уже во второй половине 2019 г. «негатив» для мировой экономики стал стремительно нарастать. Продолжил расти объем международной торговли, на который распространяются вновь введенные протекционистские меры: увеличившись с 79 млрд долл. (в расчете с середины октября 2016 г. по середину октября 2017 г.) до 588 млрд долл. (октябрь 2017 г. — октябрь 2018 г.), он продемонстрировал новый скачок до 747 млрд долл. в период с октября 2018 г. по октябрь 2019 г. [WTO, 2019]. Что еще более важно, помесячные показатели роста промышленного производства в ведущих экономически развитых странах ушли в негативную зону, причем если в США это произошло лишь в сентябре 2019 г., а темпы спада не превышали 1%, то в Германии спад наблюдался на протяжении всего года, причем в июне и октябре его темпы превышали 4,5%, а в декабре достигли 5,2%. В Италии и Великобритании промышленное производство в 2019 г. падало на протяжении 11 месяцев, в Нидерландах и Японии — 10 месяцев, причем в Японии в течение октября–ноября — более чем на 8% ежемесячно. В этом смысле нельзя сказать, что нынешний кризис возник «на пустом месте» и в нем виноват исключительно коронавирус.

Во-вторых, важным фактором кризисной динамики стало обрушение цен на нефть вслед за распадом предыдущего соглашения об ограничении добычи нефти в формате ОПЕК+. При этом собственно снижение цен на нефть началось еще в конце февраля, и нарастание межстрановых противоречий, которое привело к краху прежней версии соглашения ОПЕК+, стало результатом растущего дисбаланса между предложением нефти и спроса на нее в условиях распространения коронавируса. Равным образом новое соглашение ОПЕК+, заключенное 10 апреля 2020 г., потенциально может удалить с мирового рынка порядка 10 млн баррелей нефти в сутки в мае–июне 2020 г., при том что, по осторожным оценкам ОПЕК, падение спроса на нефть во II квартале 2020 г. по сравнению с аналогичным периодом прошлого года составит 11,86 млн баррелей в день [OPEC, 2020]. Кроме того, новое соглашение ОПЕК+ затрагивает только объемы добычи, но не экспорта нефти, что не препятствует ведущим странам ОПЕК (в первую очередь Саудовской Аравии) экспортировать ранее добытую нефть, используя гибкий механизм ценовых скидок. Цены на нефть пали главной жертвой кризиса, снизившись в два раза быстрее цен поставок природного газа в азиатские страны и страны ЕС, и более чем в три раза быстрее рыночных котировок алюминия и железной руды [IMF, 2020a, p. 17]. Как следствие, страны, зависящие от добычи и экспорта нефти, в текущем году будут главными кандидатами на статус проигравшей стороны в ходе кризиса. В этом отношении ситуация — по крайней мере для российской экономики — обещает быть во многом схожей с реалиями кризиса 2008–2009 гг. В этом смысле ничего нового мы тоже не увидим.

Наконец, в-третьих, приходится констатировать: прогнозы о том, что «после кризиса все точно будет по-иному», на сегодняшний день тоже носят крайне спекулятивный характер. Это относится и к популярным прогнозам относительно роста рынков цифровых услуг в посткризисный период. Действительно, в условиях искусственно введенных ограничений на передвижение и личные контакты рынки соответствующих услуг выглядят крайне динамичными. Но что можно сказать о фундаментальных факторах их развития? Оценки, сделанные в докризисный период, отнюдь не давали поводов для излишнего оптимизма [UNCTAD, 2019]. В контексте сценариев, рассчитанных для мировой экономики в рамках проекта Всероссийской академии внешней торговли [ВАВТ, 2017], оценки вклада цифровых отраслей в развитые и развивающиеся экономики в 2019–2025 гг. не превышали 0,1–0,35 процентных пунктов в год [Афонцев, 2019б]. По предварительным оценкам, соответствующие показатели в период непосредственно после кризиса могут возрасти в 1,3–1,6 раза до 0,13–0,56 процентных пункта. Однако в любом случае это не те цифры, которые могут оказать определяющее влияние на развитие мировой экономики. Разумеется, на волне карантинов и «самоизоляций» (что бы ни значил этот монструозный термин в содержательном и юридическом смыслах) есть большое искушение заявить: возросший спрос на цифровые сервисы «никуда не денется» и сохранится даже после окончания кризиса. Данная гипотеза, однако, отнюдь не является бесспорной, и для ее проверки необходимо время. Но уже сегодня очевидно, что во многих случаях замена традиционных сервисов онлайновыми происходила «от безысходности», и более высокая трудоемкость онлайн-сервисов в сочетании с очевидными проблемами обеспечения их качества (в частности, в образовании) делает сверхоптимистичные прогнозы развития цифровых отраслей после кризиса по крайней мере преждевременными.

Какими же могут быть оценки влияния нынешнего кризиса на состояние мировой экономики? Во многом это зависит от того, какой сценарий развития кризиса будет реализован. Традиционно в рамках любого кризиса набор ожидаемых вариантов выглядит следующим образом:

1. *V-сценарий* предполагает, что вслед за резким спадом в течение нескольких кварталов последует столь же быстрый подъем. К сожалению, в случае нынешнего кризиса вероятность данного сценария стремительно приближается к нулю. Если до развала преды-

дущего соглашения ОПЕК+ и резкого падения мировых цен на нефть *V*-сценарий рассматривался как вполне возможный [OECD, 2020], то на сегодняшний день он в лучшем случае включается в набор потенциально доступных опций для полноты картины [см., напр., S&P Global Ratings, 2020].

2. *U-сценарий*, в рамках которого за резким спадом следует период стагнации, переходящий в оживление, на сегодняшний день считается наиболее вероятным. Главная интрига состоит в том, насколько длительной окажется фаза стагнации. Диапазон прогнозов составляет от двух кварталов до двух лет, причем определение его «дальней границы» находится во многом за пределами компетенции экономистов — все зависит от того, окончится ли пандемия коронавируса после нынешней волны его распространения или же за ней последуют новые. По расчетам МВФ, такое развитие событий может стоить мировой экономике от 4 до 9 процентных пунктов упущенного роста ВВП в период 2020–2021 гг., причем негативное влияние кризиса на темпы ее роста будет сказываться даже в 2024 г. [IMF, 2020a, p. 7, 9, 15–16].
3. *L-сценарий* (резкий спад с продолжительной длительной стагнацией и неопределенными перспективами оживления) является наиболее болезненным для глобальной экономики, но, к счастью, не слишком вероятным — для его реализации необходимо сочетание длительного влияния коронавируса на эпидемическую ситуацию в мире и неспособности регуляторов найти адекватные антикризисные ответы. Впрочем, для некоторых стран этот сценарий может оказаться вполне реальным. В первую очередь речь идет о странах – экспортерах сырьевых товаров, пострадавших от снижения мировой конъюнктуры (особенно цен на нефть), общего бегства капиталов с развивающихся рынков и, как следствие, высокой нестабильности национальных валют [IMF, 2020b, p. 11–13].

В числе стран, находящихся в зоне особых рисков, предсказуемо находится Российская Федерация. Как и в случае кризиса 2008–2009 гг., падение ее экономики в любом случае обещает быть более глубоким, чем снижение мирового ВВП. По оценкам ИМЭМО РАН, в случае реализации *U*-сценария диапазон темпов падения ВВП России в 2020 г. составляет от 3,3 до 4,6%, что примерно в полтора раза выше ожидаемых темпов падения мировой экономики. В случае *L*-сценария спад российского ВВП в 2020 г. может достичь 5,5% с перспективами дальнейшего снижения на 0,6–1,4% в 2021 г. С учетом того, что наиболее реалистичная на сегодняшний день оценка падения располагаемых доходов населения в 2020 г. при спаде ВВП, попадающем в диапазон значений *U*-сценария, составляет 6,5% (расчеты Исследовательского института ВЭБ РФ при спаде ВВП на 3,8%) [ВЭБ, 2020], «срыв» российской экономики в *L*-сценарий может угрожать падением доходов в целом за 2020–2021 гг. не менее чем на 10% со всеми вытекающими из этого социально-экономическими (а возможно, и социально-политическими) последствиями. Это, в свою очередь, означает, что поддержка уровня доходов населения должна стать одним из первоочередных приоритетов антикризисной политики в России. К сожалению, данный приоритет не был реализован ни в ходе кризиса 2008–2009 гг., ни в период «санкционного шока» 2014–2015 гг. Хотелось бы надеяться, что хотя бы в этом отношении в рамках нынешнего кризиса «все будет по-иному».

Литература

Афонцев С.А. (2019a). Новые тенденции в развитии мировой экономики // Мировая экономика и международные отношения. 5: 36–46.

Афонцев С.А. (2019b). Доклад, представленный на презентации «Доклада о цифровой экономике — 2019». 04.09.2019. М.: Вольное экономическое общество.

Афонцев С.А. (2014). Мировая экономика в поисках новой модели роста // Мировая экономика и международные отношения. 2: 3–12.

ВАВТ. (2017). Анализ условий реализации стратегии социально-экономического развития Российской Федерации. Финальный отчет по теме П115-01-17. М.: ВАВТ.

ВЭБ РФ. (2020). Институт исследований и экспертизы. Тенденции развития российской экономики в условиях пандемии коронавируса и возможные антикризисные меры. Апрель. Электронный ресурс. URL: http://inveb.ru/ru/products/product-02/247-tendentsii-razvitiya-rossijskoj-ekonomiki-v-usloviyakh-pandemii-koronavirusa-i-vozmozhnye-antikrizisnye-mery. Дата обращения: 24.04.2020.

Coy P. (2019). Do Economic Booms Die of Old Age? // Bloomberg Businessweek, January 10. Электронный ресурс. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-01-10/do-economic-booms-die-of-old-age. Дата обращения: 24.04.2020.

IMF. (2020a). World Economic Outlook. April 2020. Washington: International Monetary Fund.

IMF. (2020b). Financial Global Stability Report. April 2020. Washington: International Monetary Fund.

Marotta D.J. (2020). Longest Economic Expansion In United States History // Forbes.com, January 21. Электронный ресурс. URL: https://www.forbes.com/sites/davidmarotta/2020/01/21/longest-economic-expansion-in-united-states-history/#23af7d0162a2. Дата обращения: 24.04.2020.

NBER. (2012). US Business Cycle Expansions and Contractions. April 23. Электронный ресурс. URL: https://www.nber.org/cycles/US_Business_Cycle_Expansions_and_Contractions_20120423.pdf. Дата обращения: 24.04.2020.

OECD. (2020). Coronavirus: The World Economy at Risk. March 2, 2020. Paris: OECD.

OPEC. (2020). Monthly Oil Market Report. April 16. Vienna: OPEC.

S&P Global Ratings. (2020). COVID-19 Daily Update: April 16. Электронный ресурс. URL: https://www.spglobal.com/en/research-insights/articles/covid-19-daily-update-april-16-2020. Дата обращения: 24.04.2020.

The Economist. (2019). America's Economic Expansion is Now the Longest on Record. July 2. Электронный ресурс. URL: https://www.economist.com/graphic-detail/2019/07/02/americas-economic-expansion-is-now-the-longest-on-record. Дата обращения: 24.04.2020.

UNCTAD. (2019). Digital Economy Report 2019. Value Creation and Value Capture: Implications for Developing Countries. Geneva: UNCTAD.

WTO. (2019). Overview of Developments in the International Trading Environment. Annual Report of the Director-General (Mid-October 2018 to Mid-October 2019). Geneva: WTO.

Сведения об авторе:

- Афонцев Сергей Александрович, член-корреспондент РАН, д.э.н., заведующий кафедрой мировой экономики экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, заместитель директора Национального исследовательского Института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН. E-mail: afontsev@gmail.com.